

Ференц Лист — музыкант из легенды

Весь мир широко отмечает 175-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти выдающегося венгерского композитора и пианиста Ференца Листа. Публикуем перевод одного из очерков, появившихся в иностранной печати в связи с юбилеем музыканта.

Кристофер ПОРТЕРФИЛД

«СМИТСОНИАН», ВАШИНГТОН.

ЛИСТ родился в Венгрии в 1811 году в маленькой деревушке Доборьян. Его отец был управляющим одним из имений австро-венгерских магнатов князей Эстерхази, и маленький Ференц рос на лоне природы, слушая музыку и песни окрестных цыган, живших табором по соседству с Доборьяном.

Музыкальный талант мальчика проявился рано. Свой первый концерт он сыграл во дворце Эстерхази, когда ему было около 9 лет. Вскоре после этого Ференца повезли в Вену, чтобы его игру послушал выдающийся педагог, ученик Бетховена, Карл Черни (1791—1857. — **Ред.**), который так позднее описывал эту встречу: бледный мальчуган раскачивался на табурете перед инструментом, «а его пальцы беспорядочно сновали по клавиатуре». Черни пришел в изумление от редкой способности подростка к импровизации. «Пианист милостью божьей», — было его заключение.

Но поскольку и «милость божья» оставила кое-какие

пробелы в подготовке юного музыканта, то, когда Адам Лист переехал с семьей в Вену, Черни взялся их восполнить. В Вене Ференц тоже дал несколько концертов и, как утверждают, сам Бетховен благословил его поцелуем. По версии же Листа, старый maestro сказал ему: «Держай! Ты из породы удачников».

В двенадцатилетнем возрасте Ференц выступил в Париже, откуда слава о «малютке Листсе» (французы никак не могли правильно выговорить его фамилию) пошла по всему свету. Игра мальчика ошеломила и публику, и критиков. Все отмечали его феноменальную способность читать с листа, благодаря которой он мог практически сыграть все, что видели его глаза, мог упростить сложнейшую оркестровку, в процессе исполнения осуществлять переложение пьесы.

Безмятежная юность оборвалась для Листа, едва начавшись, — в 15 лет. Заболел тифом и скончался отец. Мать решила переехать в Париж. В последующие годы Ференц до самозабвения увлекается чтением, хаотичным, запойным, чтобы как-то пополнить свое более

Ференц Лист.
«Смитсоเนียน», Вашингтон.

чем скромное деревенское образование, и одновременно продолжает совершенствовать исполнительское мастерство, которое почитал как нечто большее, нежели «источник развлечения избранного общества».

Когда Листу исполнилось 20 лет, он попал в Парижскую оперу на концерт легендарного итальянского скрипача Никколо Паганини и был потрясен услышанным, а, пожалуй, не меньше и увиденным. Перед ним был виртуоз, который, казалось, умел играть на вызываемых им эмоциях зрителей не менее искусно, чем на своей скрипке. Пример оказался заразительным, и Лист засел

за рояль, пытаясь извлечь из него то же, что Паганини из скрипки.

Началась упорная учеба с бесконечными упражнениями в технике исполнения по 8, 10 и 12 часов в день. «Мой мозг и пальцы трудятся, как две смятенные души, — писал он одному своему другу. — Если я не сойду с ума, то стану артистом! Да, и артистом современным».

В те дни Париж был столицей мирового пианистического искусства. Поклонники романтизма считали фортепьяно главным средством музыкального выражения. Сочинения Шопена вызвали к жизни новую манеру игры, да и сам инструмент претерпел значительные конструктивные изменения. В результате в Париж съехалась и обосновалась целая армия музыкантов-виртуозов. Лист превзошел их всех. Он достиг совершенства и как человек, и как художник.

Гигантский рывок вперед совершил и Лист-композитор. Сначала, когда переложил для рояля труднейшие для пианиста капризы (каприз — виртуозная инструментальная пьеса импровизационного склада с причудливой сменой эмоций и настроений. — **Ред.**) Паганини, и позднее, когда написал свои «Трансцендентальные этюды», с помощью которых хотел наглядно продемонстрировать, как он сам преодолел барьеры фортепьянной техники, и показать другим исполнителям, что для этого требуется. Шуман на-

звал их «руководством к тому, как устроить бурю на клавиатуре и вызвать священный трепет», руководством, одолеть которое под силу максимум десяти или двенадцати музыкантам в мире.

В последующее пятилетие своей жизни Лист много путешествовал, главным образом по Швейцарии, Франции, Италии; давал уроки, писал музыку, изредка выступал с концертами. В 1839 году он возобновил регулярную концертную деятельность, продолжавшуюся в течение 7 лет. В эти годы Лист приобрел неслыханную популярность и стал, пожалуй, самым знаменитым музыкантом в мире.

Многие сочинения Листа упорно не сдают своих позиций в репертуаре музыкантов всех стран, однако большинство из них — более 1300 — преданы забвению. Сегодня кое-кто склонен относиться к творческому наследию Листа-композитора несколько иронически. О, да, говорят они, пианизм Листа бесподобен, но в Листе-композиторе столько рисовки, слишком уж он театрален. Однако композитора, одаренного столь исключительным талантом и энергией, невозможно вычеркнуть из истории мировой музыки.

А между тем легенда о великом музыканте не умирает. «Громкая известность, — любил говорить Лист, — наказание за талант и кара за заслуги». Может быть, так оно и есть, однако слава сделала гениального Листа повсюду желанным го-

стем, подружилась с Берлиозом и Шопеном, а Бальзаку подсказала мысль вывести его в одном из романов в образе певца Дженнаро Конти.

Лист начал с того, что взял штурмом Европу как пианист, и слава на этом поприще не оставляла его всю жизнь. Его прозвали «кентавр-пьяно», намекая на то, что он органически слился с инструментом в некое единое существо. С первых же детских концертов, когда маленький вундеркинд едва доставал до педалей и клавиш, о нем заговорили как о явлении уникальном, почти невероятном, сверхъестественном. Став взрослым, Лист не преувеличивал, когда писал «Мой инструмент для меня то же, что корабль для моряка или скакун для араба. Он — это я сам». Недаром другой знаменитый виртуоз, Антон Рубинштейн, однажды сказал «Рядом с Листом все мы дети». Виртуозные каскады, сногсшибательные переходы по всей клавиатуре, октавы, напоминающие падающий молот, громоподобные аккорды, струящиеся как серебро хроматические гаммы, которые, казалось, так и сыпались из кончиков пальцев, — все это давалось Листу без труда, удивительно легко.

Плюс ко всему артист обладал недюжинной силой. Недаром его окрестили «разбивателем роялей». Он и действительно сломал не один инструмент, оставляя после своих выступлений на различных сценических площадках Европы щепки и лопнувшие струны. После

триумфального концерта, данного Листом в одном парижском салоне, музыкант и основатель фирмы по изготовлению роялей Камилл Плейель сказал, печально глядя на выведенный из строя инструмент: «Обследую поле битвы и подсчитаю потери».

Лист никогда не мог отказать себе в удовольствии ошеломить публику. Он настолько блистал техникой, что она превращалась в самостоятельное действо. Впоследствии даже столь строгий судья, как Вагнер, говорил, что Лист с такой глубиной исполнял сонаты Бетховена, как будто сам создавал их в присутствии слушателей. Энтузиазм почитателей его таланта был настолько велик, что, когда он дебютировал в Петербурге, два молодых музыканта из публики поклонились (об этом известно из дневника одного из них) «всю жизнь считать для себя этот день священным». По окончании концерта восторженные поклонники выпрыгали из кареты музыканта лошадей и при свете факелов сами покатались его по петербургским улицам.

Очень высокого роста, поразительно худой, с глубоко посаженными глазами и длинными волосами, Лист буквально завораживал публику. «Исполненный достоинства кивок головой, элекризующий взгляд орлиного ока», — так описывала выход музыканта на сцену одна из его учениц. Лист был живым воплощением романтического идеала, творческого «я» в экстазе вдохновения.